

УДК 94(470.5)“1919/1920”

И. В. Скипина

Новые источники о социально-политической позиции уральского крестьянства в период гражданской войны в России (1919—1920)

Автор анализирует содержание документов о социально-политическом поведении уральского крестьянства, хранящихся в Российском государственном военном архиве, большинство из них впервые вводятся в научный оборот. Выявленные данные свидетельствуют о динамичной позиции деревни по отношению к властям. В начале 1919 г. большинство граждан поддержало Колчака, весной-летом повернулось в сторону большевиков, а осенью 1919 г. — зимой 1920 г. крестьяне засомневались в правильности выбора и вновь стали в оппозицию диктатуре пролетариата. Боевой дух красноармейцев, в большинстве своем являвшихся выходцами из деревни, зависел от успехов на фронте и материального снабжения частей.

Ключевые слова: источники, 1919—1920, гражданская война, Урал, крестьянство, Колчак, большевики, мобилизационные комиссии, информаторы.

История гражданской войны в России является одной из самых изучаемых проблем XX века, однако вопросы социально-политического характера, динамика поведения представителей отдельных групп населения в разные периоды войны продолжают оставаться актуальнейшей проблемой современной историографии. После войны прошло более 90 лет, а событие продолжает вызывать споры исследователей [16]. Представляется, что к юбилейной дате — 100-летию Октябрьской революции ученые прольют свет на многие спорные проблемы этого периода российской истории.

В последние годы появились многочисленные публикации по истории гражданской войны в России, в которых нашли отражение проблемы поведения крестьянства на каждом из этапов противостояния [1]. Особый интерес у ученых вызывает аграрный вопрос, обострившийся в период революционных перемен, который безуспешно пытались решить и белые, и красные [15]. Исследователи продолжают доказывать: решение сложных проблем социальной истории невозможно без введения в научный оборот новых источников [3].

Значительный интерес в этом отношении представляют документы Уральского (Приуральского) военного округа, хранящиеся в фондах Российского государственного военного архива. Это прежде всего материалы агитационно-просветительных и мобилизационно-оперативных отделов, которые позволяют с большой долей уверенности говорить о динамике поведения уральского крестьянства в годы гражданской войны. Документальные данные свидетельствуют о том, что социальная позиция крестьянства на протяжении гражданской войны не была однозначной и менялась под влиянием сложившихся обстоятельств. Важным источником сведений о социально-политической позиции деревни являются сводки с мест, подготовленные на основе сообщений информаторов, предназначенные для повседневной регистрации всего происходящего в жизни населения страны, анализа настроений и политической позиции людей. Картины общественной жизни в уральской деревне на каждом из этапов борьбы представлены в донесениях политотделов Уральского военного округа в Реввоенсовет, и они существенно дополняют данные других ведомств. Так, сводки начала 1919 г. о настроениях граждан и положении в армейских частях свидетельствовали: большинство уральской деревни продолжало надеяться, что белый режим позволит решить земельный вопрос в пользу крестьян и уже весной воюющие за справедливость граждане смогут вернуться в свои дома, заняться привычными хозяйственными делами.

© Скипина И. В., 2015

Наступление Колчака в конце зимы — ранней весной 1919 г. оказалось возможным прежде всего благодаря поддержке его значительной частью крестьянства. Однако вскоре крестьяне почувствовали всю тяжесть военной диктатуры, они поняли, что об улучшении их положения не может быть и речи: все граждане и на фронте, и в тылу вынуждены были работать «на войну», а сама белая власть защищала интересы в первую очередь крупных собственников. Весной 1919 г. недовольство перешло в открытое сопротивление белому режиму. Растущие налоги и повинности, конфискации, расправы с людьми, недовольными политикой властей, — все это озлобляло деревенских жителей. Особенно возмущали крестьян регулярные мобилизации в армию. Молодые люди призывного возраста под любым предлогом стремились уклониться от призыва на фронт. На Урале широкое распространение получила такая форма борьбы, как требования новобранцев выдавать им удостоверения в том, что они взяты в белую армию не добровольно, а по призыву. 7 марта 1919 г. в Туринске произошло столкновение мобилизованных крестьян с властями. 13 марта 1919 г. еще более крупное восстание мобилизованных произошло в Тюмени. Все это говорило о том, что отношение к военной диктатуре Колчака изменилось: деревня перестала доверять военному диктатору. Под воздействием антинародной политики белых большинство либо поддержало большевиков, либо не мешало их победе над Колчаком.

Одновременно крестьянство меняло свое отношение и к большевистскому режиму: деревня стала усматривать в диктатуре пролетариата меньшее зло, что во многом содействовало победам Красной Армии на Восточном фронте весной-летом 1919 года [14, с. 104—105]. Карт-бланш, предоставленный большевикам, не был постоянным и зависел от государственной политики в аграрном вопросе. По сводкам, которые представляли информаторы с мест, настроение крестьян летом 1919 г., после освобождения Урала от Колчака, было хорошее, однако уже осенью 1919 г. оно стало меняться для большевиков не в лучшую сторону. Так, в информационных сводках, представленных Екатеринбургскому уездному съезду советов в сентябре 1919 г., сообщалось о том, что мобилизация проходит успешно, есть даже добровольцы, а в документах, относящихся к концу сентября, уже говорилось о трудностях мобилизационных мероприятий [8, л. 174—175]. В телеграмме мобилизационного отдела Реввоенсовета республики указывали, что в период с 25 сентября по 25 ноября 1919 г. ожидалось поступление в армейские части 400 тыс. военнообязанных, из них 109,5 тыс. из Уральского военного округа [7, л. 24—25].

Документы мобилизационных комиссий Уральского военного округа, включавшего до начала октября 1919 г. Вятскую, Оренбургскую, Пермскую, Уфимскую губернии с центром в Екатеринбурге, а с 3 октября получившего название Приуральского военного округа, включавшего Екатеринбургскую, Пермскую, Уфимскую, временно Омскую, Тобольскую, Тюменскую, Челябинскую губернии, свидетельствовали не только об успешных наборах в Красную Армию, проведенных осенью 1919 г. сразу после изгнания белых, но и о том, что по мере установления власти диктатуры пролетариата росло недовольство масштабными мобилизациями, более того, как сообщали информаторы с мест, в деревне ощущалась враждебность по отношению к большевистским властям.

Сводки мобилизационного отдела Приуральского военного округа пестрели сведениями о растущем количестве дезертиров. Так, сообщалось, что только с 14 по 23 ноября 1919 г. дезертиров отправляли обратно на фронт, всего в красные части в указанный период вернули 140 301 человека, в Приуральском округе эта цифра достигла 17 203 человек [6, л. 16]. Справки о ходе мобилизаций свидетельствовали, что основная часть призывников являлись русскими, выходцами из крестьян [13, л. 181]. Неудовлетворенность крестьян растущими налогами, нехваткой промышленных товаров, проблемами

с продовольствием стала проявляться все острее. Создавшееся положение объясняется тем, что в период изгнания Колчака массового голода в уральской деревне не было, кроме того, сохранялась надежда на будущий урожай, но эти планы не оправдались, так как хлеб урожая 1919 г. у крестьян изымали на нужды армии и городского пролетариата, не оставляя даже семенного материала.

К зиме-весне 1920 г. голод докатился и до Урала. Тревожные настроения нарастали, они проявились в росте дезертирства из армейских частей, учащении укрывательства беглецов местными жителями. 5 марта 1920 г. в крае стали работать комиссии по распределению продовольствия, которые обладали не только распределительными функциями, но и занималась изъятием остатков хлеба. Деревенские жители, неудовлетворенные государственной политикой, подвергались репрессиям вплоть до ареста и помещения в концентрационные лагеря. Однако обеспечить продовольствием всех не было возможности, хлеба все равно не хватало. Весной 1920 г. недоедание стало частью повседневной жизни не только пролетариев, но и деревенских бедняков, что еще более подогревало напряжение. В сводке Екатеринбургского губернского политического отдела, датированной маем 1920 г., сообщалось: «...настроение красноармейцев революционное, местного населения антисоветское» [11, л. 80]. К концу весны 1920 г. хлеба не хватало уже и на нужды армии, по мере ухудшения снабжения армейских частей продовольствием из гарнизонов в штаб Приуральского военного округа шли сообщения об изменении настроения большинства военных, о том, что недовольство красноармейцев грозит выйти из-под контроля, о фактах самовольного покидания мест расположения частей, о работе военных «на грядках» местных жителей и контрреволюционной пропаганде в армейских частях [10, л. 99].

С лета 1920 г. секретные сводки Государственного политического управления при НКВД РСФСР, Наркоматов земледелия и Наркомата продовольствия свидетельствовали об увеличении числа голодающих районов. Сложившееся положение сказывалось и на состоянии армейских частей, включавших в основном выходцев из крестьян. Деревня к этому времени разуверилась в способности красных защищать ее интересы и не хотела их поддерживать. Начальник Всероссийского главного штаба заявлял, что растет дезертирство со сборных пунктов, из эшелонов и частей, это влечет за собой применение репрессивных мер по отношению к беглецам путем «конфискации их личного имущества или имущества родственников», руководство подчеркивало необходимость «обратить серьезное внимание на политическую обработку дезертиров» [5, л. 227]. При этом военные требовали у населения и гражданских властей подписок об обязательстве доносить обо всех дезертирах, которые им известны [5, л. 42]. 5 июля 1920 г. из Екатеринбургского губернского политического отдела в центр шли сообщения о том, что солдаты нередко самовольно покидают части, а в Нижне-Тагильском гарнизоне настроение военных омрачено нехваткой продовольствия [11, л. 125].

Сложившееся положение подтолкнуло власти к усилению мер по изъятию продовольствия у крестьян, что вызвало ответную негативную реакцию деревни. К августу 1920 г. нехватка продовольствия стала еще более ощутимой, о чем свидетельствовали сообщения Екатеринбургского губполитотдела, говорящие о том, что положение усугублялось плохой обустроенностью солдатского быта: в казармах скученность, необходимого обмундирования у военных и фуража для лошадей нет, «отношение к советской власти среднее» [11, л. 260]. 1920 г. оказался неурожайным, что еще более обострило обстановку. 7 сентября 1920 г. из Приуральского округа в центр шли донесения об усугубившейся ситуации в частях, связанной с нехваткой «всего и вся» и эпидемией тифа, разразившейся в частях [11, л. 264]. Одновременно сводки пестрели сообщениями о том, что настроение

местного населения по отношению к советской власти «лояльное», деревня после уборки урожая несколько успокоилась, в крестьянских семьях появился хлеб. Так, из политотдела Челябинского военного комиссариата, подчиненного политическому управлению Приуральского военного округа, в октябре 1920 г. сообщали: «...настроение населения революционное, оказывают помощь; настроение красноармейцев за неимением обуви неудовлетворительное» [11, л. 356].

Однако ситуация складывалась не везде одинаково, недовольство гражданского населения имело место там, где шли активные разверстки, которыми люди были недовольны, и в донесениях с мест говорилось: «отношение к советской власти ниже среднего на почве продразверстки» [11, л. 355]. В свою очередь, части, куда поступало продовольствие, наоборот, меняли свое отношение к советам на более позитивное. Моральный дух в Красной Армии напрямую зависел от снабжения. В сводках за октябрь — ноябрь 1920 г. агитационно-пропагандистской секции Приуральского военного округа отмечалось, что командование заботилось об улучшении быта красноармейцев и в Вятском гарнизоне выдало 85% вещевого и 80% денежного довольствия; в Сарапульском соответственно 55% и 100%, подобная ситуация складывалась и в других частях [12, л. 116].

В ноябрьских сводках 1920 г. Екатеринбургского губполитотдела отмечалось, что настроение в воинских частях красных улучшилось под влиянием увеличившихся объемов снабжения, соответственно недовольство населения деревни росло, так как она не желала кормить армию [11, л. 401]. Далее указывалось, что противоречия между крестьянами и красноармейцами углублялись: чем лучше было снабжение армейских частей, тем хуже становилось положение с продовольствием и фуражом в семьях местных жителей. 11 ноября 1920 г. Екатеринбургский начальник политуправления сообщал, что настроение частей хорошее, а «население лишь в некоторых районах относится к красноармейцам более или менее удовлетворительно... большинство настроено контрреволюционно» [11, л. 415].

Неудовлетворенность тружеников тыла властями росла по мере увеличения продовольственной разверстки [11, л. 261]. Пенитенциарные заведения пополнялись недовольными крестьянами, а их жалобы в судебные инстанции на мародерство, жестокость, превышение полномочий советскими работниками в большинстве случаев оставались без разбирательств. Партийные функционеры объясняли позицию деревни тем, что крестьянство по своему социальному положению стоит далеко от принципов советской власти. Позднее большевики признали, что недооценили имеющейся в крестьянской среде дифференциации, у всех крестьян выгребали сельхозпродукты дочиства, включая хлеб семенного назначения, что особенно обижало бедняков, случалось, что изъятое зерно портилось, разворовывалось, не доходя до потребителя. Историки среди других причин роста крестьянской оппозиции называют свертывание рынка, мобилизации, трудовую повинность, ущемление прав деревенских тружеников, жесткость и непоследовательность работников продовольственного фронта, их небрежное отношение к реквизированному зерну. Не следует исключать и фактор «вечно бабьего в русской душе», что всегда находило социальное подкрепление в деревне. Именно «бабье недовольство», начавшееся из-за нехватки хлеба, переросло в мощную оппозицию советской власти зимой 1920 г. Особенной активностью отличались женщины из бедных деревенских семей, вдовы, жены красноармейцев, так как по ним, не имеющим больших запасов и защиты от военизированных отрядов продработников, разверстки ударили особенно сильно.

Политическая позиция деревни была динамичной: в один и тот же день на разных территориях Урала положение могло складываться по-разному. Например, в сводке о положении дел в частях Приуральского военного округа за 25 декабря 1920 г. говорилось,

что настроение в Екатеринбургском гарнизоне боевое, а в Красноуфимском — неудовлетворительное, что обуславливалось во многом качеством содержания и снабжения частей. Так, в Красноуфимском гарнизоне солдаты жаловались на отсутствие теплой одежды, нехватку продовольствия, отсутствие военной дисциплины в частях [11, л. 427].

Главной причиной недовольства крестьян и красноармейцев на официальном уровне считали контрреволюционную пропаганду, поэтому от агитаторов требовали разъяснять ситуацию, а продработников просили более сдержанно вести себя по отношению к труженикам деревни, так как в документах с мест не раз указывалось на грубое отношение советских служащих к населению, что «угнетающим образом» действовало на крестьян, «поселяя в умах последних недоумение и ужас» [2, л. 32 об.]. Под влиянием не решаемых властями противоречий между городом и деревней, под воздействием неподъемных поборо, которые грозили не только ухудшением продовольственного положения, но и закладывали нехватку семенного фонда будущего урожая, к концу 1920 г. сформировалась крестьянская оппозиция большевикам.

Поведение уральского крестьянства отличалось динамичностью и напрямую зависело от политики властей по отношению к деревне. К концу 1920 г. неудовлетворенность деревни социальным и материальным положением достигла апогея, подготовив массовое недовольство властью большевиков. Регуляция социально-политической и хозяйственной жизни государством не имела результата: деревенские жители понимали, что им нужно самостоятельно бороться за свои права. Противоречия между городом и деревней привели к открытому противостоянию весной 1921 г., как известно, крестьянские выступления подавили силой и репрессиями, надолго подорвав доверие населения к диктатуре пролетариата.

Первая мировая война, вылившаяся в гражданскую, привела страну к экономическому и политическому кризису, проявлением которого стал раскол социума, обусловленный неоднозначным отношением населения к противоборству политических сил, в конечном итоге противостояние закончилось политической и экономической «усталостью» городских и сельских жителей, да и военные говорили: «...мы устали, а то с первых боев находимся на фронте, а нам хочется просто после боя заснуть, поесть... на нас чесотка и всем нам нужно помыться в бане» [9, л. 65 об.]. После крестьянских восстаний начала 1921 г. деревня, уставшая от политических баталий, словно замерла, понимая, что все проявления неудовлетворенности властью закончатся расправой с недовольными.

Список использованных источников и литературы

1. Аграрная история XX века: историография и источники / под ред. Н. Н. Кабытовой, П. С. Кабытова, В. В. Кондрашина. Самара, 2014. 486 с.
2. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 231.
3. Кондрашин В. В. В. П. Данилов — публикатор документов по аграрной истории России первой половины XX века // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 37—44.
4. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 11. Оп. 1. Д. 48. Л. 42.
5. РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 48.
6. РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 449.
7. РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 520.
8. РГВА. Ф. 176. Оп. 6. Д. 17.
9. РГВА. Ф. 406. Оп. 2. Д. 121.
10. РГВА. Ф. 25892. Оп. 1. Д. 165.
11. РГВА. Ф. 25892. Оп. 2. Д. 104.
12. РГВА. Ф. 25892. Оп. 2. Д. 126.
13. РГВА. Ф. 25892. Оп. 2. Д. 165.

14. Скипина И. В., Московкин В. В. Роль человеческого фактора в военном противоборстве на Урале зимой 1918—1919 гг. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 103—105.

15. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918—1939. Документы и материалы : в 4 частях / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. Т. 1.

16. Сталинизм и крестьянство : сб. науч. статей по материалам круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной историографии». Вып. 4. М., 2014.

Поступила в редакцию 31.10.2015 г.

Скипина Ирина Васильевна, доктор исторических наук, доцент
Тюменский государственный университет
Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
E-mail: i.skipina@mail.ru

UDC 94(470.5)“1919/1920”

I. V. Skipina

New sources of social and political position of the Ural peasants during the Russian Civil War (1919—1920)

The author analyzes the content of the documents on the social and political behavior of the Ural peasants. The revealed data suggest a dynamic position of the village towards the authorities. At the beginning of 1919 the majority of citizens supported Kolchak, in spring-summer they joined the Bolsheviks, and in autumn 1919 — winter 1920 the peasants began to doubt their choice and again stood in opposition to the dictatorship of the proletariat. The morale of the Red Army men, as most of them came from villages, depended on the success at the front and material supply of the units.

Key words: sources, 1919—1920, Civil War, Ural, the peasantry, Kolchak, the Bolsheviks, mobilization committee, informants.

Skipina Irina Vasilyevna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Tyumen State University
Russian Federation, 625003, Tyumen, ul. Semakova, 10
E-mail: i.skipina@mail.ru

References

1. *Agrarnaya istoriya XX veka: istoriografiya i istochniki / pod red. N. N. Kabytovoy, P. S. Kabytova, V. V. Kondrashina* [The agrarian history of the XX century: historiography and sources, ed. by N. N. Kabytova, P. S. Kabytov, V. V. Kondrashin]. Samara, 2014. 486 p.
2. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* (GASPITO) [State Archive of Social and Political History of the Tyumen region]. F. 2. Op. 1. D. 231.
3. Kondrashin V. V. V. P. Danilov — publikator dokumentov po agrarnoy istorii Rossii pervoy poloviny XX veka [V. P. Danilov — the publisher of documents on agrarian history of Russia in the first half of XX century]. *Otechestvennyye arkhivy*, 2012, no 6, pp. 37-44.
4. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyennyi arkhiv* (RGVA) [Russian State Military Archive]. F. 11. Op. 1. D. 48. L. 42.
5. RGVA. F. 11. Op. 1. D. 48.
6. RGVA. F. 11. Op. 8. D. 449.
7. RGVA. F. 11. Op. 8. D. 520.
8. RGVA. F. 176. Op. 6. D. 17.
9. RGVA. F. 406. Op. 2. D. 121.
10. RGVA. F. 25892. Op. 1. D. 165.

11. RGVA. F. 25692. Op. 2. D. 104.
12. RGVA. F. 25892. Op. 2. D. 126.
13. RGVA. F. 25892. Op. 2. D. 165.
14. Skipina I. V., Moskovkin V. V. Rol chelovecheskogo faktora v voyennom protivoborstve na Urale zimoy 1918—1919 gg. [The role of human factor in military confrontation in the Urals in the winter of 1918—1919]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya - Theory and practice of social development*, 2014, no 10, pp. 103-105.
15. *Sovetskaya derevnya glazami VChK — OGPU — NKVD. 1918—1939. Dokumenty i materialy: v 4 chastyakh / pod red. A. Berelovicha, V. Danilova* [Village through the eyes of the Soviet Cheka — OGPU — NKVD. 1918—1939. Documents and materials: in 4 parts, ed. by A. Berelovich, V. Danilov]. Moscow, 2000. Vol. 1.
16. *Stalinizm i krestyanstvo: sb. nauch. statey po materialam kruglykh stolov i zasedaniy teoreticheskogo seminara «Krestyanskiy vopros v otechestvennoy istoriografii». Вып. 4* [Stalinism and the peasantry: Scientific collection of articles by the materials of round tables and meetings of the theoretical seminar “The Peasant Question in Russian historiography”. Vol. 4]. Moscow, 2014.